

Русская Церковь на перепутье

[Петр \(Мещеринов\), игум.](#)

Освященный Поместный собор Русской православной церкви избрал 27 января 2009 года митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла Патриархом Московским и всея Руси. Какое наследие досталось шестнадцатому предстоятелю Русской Церкви? С чем ему придётся столкнуться?

Церковь «изнутри»

Перед Русской Церковью уже в начале XX века стояли многие проблемы, касающиеся богослужения, катехизации, миссии, устройства внутрицерковной жизни. Эти вопросы обсуждал и по многим из них принимал решения Поместный собор 1917 – 1918 годов. Коммунистическое пленение Церкви помешало претворению их в жизнь – и все нерешённые церковные проблемы не только остались, но ещё и усугубились за прошедшее советское и постсоветское время. Казалось бы, получившей свободу Церкви необходимо обратиться к материалам этого Собора, развить их и осуществить, наконец, на практике. Ничего этого не произошло.

Семьдесят лет Церковь находилась в советском гетто; мимо её осознания прошли все великие перевороты в человеческом существовании – научно-техническая и информационная революции, революция сексуальная, изменение положения женщины, глобализация экономического и культурного пространства, урбанизация, всеобщие грамотность и повышение уровня образования и проч. Перед освободившейся Церковью встали очень важные задачи осмысления прошедшего XX века в духе Евангелия и подлинной церковной традиции, с тем, чтобы выработать современные пастырские подходы к людям постхристианской эпохи. Ничего этого не произошло.

Наша Церковь пережила в прошлом веке великую трагедию. С точки зрения христианина, ничего случайного в истории не бывает. Почему произошло такое падение нашего Отечества, такое гонение на Церковь? Какие уроки для веры и нравственности содержит наш исторический путь? Ничего из этого осознано не было.

А что было? Вещи исключительно внешние. Открывались и строились храмы и монастыри. Но это был естественный процесс: когда из сосуда с вакуумом вынимают пробку, пустое место заполняет воздух. Уврачёван раскол с РПЗЦ. Но остался гораздо более болезненный раскол – на Украине. Были созданы различные церковные структуры – но они, за исключением двух или трёх синодальных отделов и комиссий, делают очень мало или не делают вовсе ничего. Церковное образование остаётся на низком уровне, образовательный процесс, опирающийся на старые пособия, иногда ещё 50-х годов, не имеет точек соприкосновения с сегодняшними реалиями, а обращение с учащимися нередко приводит на память «Очерки бурсы» Помяловского. Приходящим в Церковь людям нужно прививать христианские нормы поведения, а вместо этого до катастрофических масштабов развилось клерикальное авторитарно-кликушеское духовничество, ничего общего с Христовым пастырством не имеющее. В Церковь проник дух коммерции, оправдываемый «восстановлением

храмов». Была зацементирована жестокая система внутрицерковных отношений – полной беззащитности священников перед архиереями, клириков храмов перед настоятелями, насельников (и особенно насельниц) монастырей перед игуменами и игуменьями, поборов, абсолютного бесправия низших перед высшими, лести, бездушного отношения к людям. Нельзя сказать, что так везде; но, увы, такие отношения внутри Церкви – скорее правило, чем исключение.

И в этом, пожалуй, главный, и очень печальный, итог прошедшего двадцатилетия свободной церковной жизни. Творческие силы Православия не развивались; живая мысль и активная церковная и просветительская деятельность были уделом вовсе не всей Церкви, а немногих частных лиц, энтузиастов, к которым церковное начальство хорошо ещё, если относилось с отстранённым снисхождением. Уже сам Патриарх Алексий II в конце своего жизненного пути говорил, что «хватит созидать стены, пора созидать души». Но разве для Церкви – это «последовательные операции»? Сначала построим храмы, а потом за души возьмёмся? Такой своеобразный «марксизм» привёл к тому, что у нашей Церкви в лице большинства её пастырей нет навыка, нет опыта «созидания душ». Церковь озаботилась выстраиванием престижных отношений с государством, строительством, коммерцией и чем угодно – но не подлинным душепопечением. В результате собственно церковная жизнь была пущена «на самотёк». Но «самотёком» Церковь не создается. Итог - упущено время, Русская Церковь приобрела черты феодальной, коммерческой, магически-обскурантистской институции с националистическо-имперской идеологией, весьма далёкой от подлинной христианской церковности. Будущее рассудит, как соотносится во всём этом роль личности и объективные последствия истории России XX века. Факт тот, что новому Патриарху эти авгиевы конюшни придётся расчищать.

Церковь и общество

«Церковь всегда со своим народом»; «Церковь отделена от государства, но не от общества», – часто говорил почивший Патриарх. Верно. Но всегда ли это хорошо? Ведь, со строго церковной точки зрения, Церковь нельзя отождествлять с нацией или народом. И не задача Церкви – «служить народу». Церковь должна служить Христу в своём народе. Если народ отступает от Бога, если народ попирает нравственность – должна ли Церковь разделять с народом эти его настроения? Не входит ли в задачу Церкви в таких случаях народ (и власть как наиболее ответственную часть народа) обличать, то есть становиться вне и выше общего народного духа?

Что такое сегодня «неотделимость Церкви от общества»? Это вовсе не только тот бесспорный факт, что Россия исторически и культурологически коренится в Православии. Помимо прочего это и то, что все процессы, свойственные социуму, имеют место и в церковной жизни, ибо и Церковь, и общество состоят из одних и тех же людей. Общество сегодня «по объёму» гораздо больше и сильнее Церкви, и не Церковь обществу, но общество, которое, на мой взгляд, уже перешло «точку невозврата» в нравственном разложении, диктует Церкви свой стиль жизни: примитивности, «гламура», агрессии, грубых страстей, без-

ответственности и безбожия, ибо на деле Россия исповедует Религию Денег, а вовсе никакое не Православие.

Церковь хочет благотворно влиять на социум – в этом её прямой пастырский долг. Но как это осуществлять? Конечно же, не путём прессинга. Практика показывает, что когда Церковь свысока морализаторствует, поучает, «давит» на общество – последнее сопротивляется. Безусловно, нужно искать пути консолидации; но главное, что для этого надо делать – это в самой церковной жизни являть в реальности то, чему мы поучаем людей. Вот Церковь хочет «воцерковить» общество. Что это значит? Построить всех рядами под хоругви и ходить крестным ходом, проклиная Запад и ожидая восстановления монархии? Сегодня в Церкви многим это видится именно так. На деле же воцерковление есть, прежде всего, воспитание христианина как свободной личности. Но свободная и ответственная личность – главная опасность нефеодалному менталитету, сложившемуся ныне в России. По-настоящему воцерковиться, стать христианином – значит сегодня именно пойти против своего народа (и против многих в Церкви), против духа нечеловеколюбия, стадности, телевизионного сознания, против национализма и ксенофобии и прочих вещей, присущих сегодня населению нашего Отечества.

И главное: как Церковь может требовать нравственности от общества, когда, увы, нам нечего предъявить людям, если нас спросят: а покажите на деле пример настоящей христианской церковной жизни. Что мы предъявим? Взаимную любовь? Бескорыстие? Взаимопомощь? Благотворительность? (Но тут хоть что-то есть.) Разумность? Адекватность? Гражданственность, в конце концов? Но где мы всё это, за исключением частных случаев, возьмем? Ведь для того, чтобы предъявить эти качества людям «внешним», нужно сначала стяжать их во внутрицерковной жизни.

Поэтому единственный путь действия Церкви в обществе сегодня – отложить абстрактно-идеологическую «защиту традиций» и направленное «во вне» морализаторство, а все силы обратить на то, чтобы внутрицерковная жизнь стала подлинно евангельской, чтобы она являла именно православное христианство, а не худшие черты народной жизни, чтобы мы могли показать, как говорил Апостол, «веру нашу от дел наших», и чтобы те нравственные требования, какие мы предъявляем социуму, мы бы подтверждали своей жизнью. В самом деле – нелепо требовать повсеместного введения ОПК в школах, когда наши собственные прихожане остаются без катехизации и совершенно ничего не понимают в Православии. Нелепо требовать социальной ответственности и благотворительности, когда коммерция цветёт внутри Церкви, когда главное содержание отношений архиерея со своим священником – это денежные поборы. Нелепо рассуждать о человеколюбии, когда внутри Церкви мы имеем крепостнические нравы. Лишь когда сама Церковь по-настоящему «воцерковится», когда Православие станет живым, творческим и гуманным, а не узконачётническим и человеконенавистническим, когда православные перестанут жить в прошлом и станут людьми адекватными, способными дать христиански-нравственную оценку самим себе, своей истории и современности – тогда только Церковь реально сможет благотворно влиять на общество.

Надежды нового патриаршества

Консолидации Церкви и общества, усиления влияния Церкви в социуме, обретения большего веса в диалоге с государством – о чём не раз говорил Патриарший Местоблюститель – не бывает без созидания внутрицерковной жизни. Никуда от этого не уйти: или, наконец, начать заниматься самою Церковью - или готовиться к тому, что Господь, по слову Апокалипсиса, «сдвинет её светильник». Патриарху Кириллу в решении этих проблем неизбежно придётся пойти «против течения». Преодолеет ли он косность церковной среды и это пресловутое «единство Церкви и народа»? Хватит ли у него мужества обличать отступивший от Бога, да и от простого уже здравого смысла, народ и проникшуюся его духом Церковь? Хватит ли у него сил созидать церковную действительность так, чтобы она являла пример реальной жизни в соответствии с ценностями христианской веры и нравственности? Дай Бог ему здоровья, разума и милосердия для этого.

[Ежедневный журнал](#)

<http://kiev-orthodox.org:80/site/churchlife/1889/>